

Сергей Тармашев
Ареал. Вычеркнутые из жизни

**Цюрих, Швейцария, частная клиника нобелевского лауреата в области медицины
доктора Кугельштайна, 22 октября 2011 года, 14 часов 34 минуты, время местное.**

Обширное стерильно белое помещение операционной было заполнено сложнейшими лабораторными установками и сверхсовременной медицинской техникой, переливающейся мониторами компьютерных интерфейсов. Два с половиной десятка специалистов, ассистирующих Кугельштайну, не сводили глаз с экранов, по которым непрерывными потоками бежали строки данных о ходе проводимого синтеза. Застывшие перед приборными панелями люди, облачённые в медицинские скафандры биологической защиты, более напоминали движущиеся гипсовые изваяния, установленные неизвестным скульптором посреди высеченной из мрамора футуристической композиции. При взгляде со стороны возникало ощущение, что и технику, и её операторов сначала поместили внутрь этого помещения, а после выкрасили одной краской и то, и другое.

Сам нобелевский лауреат находился посреди своей операционной, у станины напичканного электроникой нейрохирургического стола, совмещённого с трубой ядерно-магнитно-резонансного томографа и десятком иных приборов. Пожилой гений от медицины напряжённо вглядывался в один из пятидесятидюймовых плазменных мониторов, укреплённых под потолком в непосредственной близости от хирургической зоны. Наконец что-то негромко звякнуло, и на экране высветился ряд столбцов с цифро-буквенными обозначениями.

— Господин профессор! — один из ассистентов обернулся к седому учёному. — Синтез завершён успешно! Стабильность препарата девяносто девять и восемьдесят три сотых процента! Начинает падать, скорость распада полторы сотых процента в секунду!

— Наполняйте инъекторы! — распорядился доктор Кугельштайн и склонил голову к лежащему на хирургическом столе немолодому абсолютно лысому человеку, бледную кожу головы которого покрывала сеть коротких шрамов. Накрытое стерильной медицинской простынёй рыхлое тело пациента непроизвольно подрагивало от сотрясавших его приступов боли, и по лицу больного скользили гримасы страдания.

— Синтез прошёл практически идеально, в нашем распоряжении порядка восьмидесяти восьми секунд. Этого более чем достаточно! — Немецкий акцент профессора придавал его английскому немного отрывистые интонации, отчего казалось, что Кугельштайн говорит короткими рублеными фразами. — Вскоре вы сможете вздохнуть спокойно, мистер Лозинский! — Седовласый нейрохирург перевёл взгляд на замерших в ожидании указаний анестезиологов и лаконично распорядился: — Начинаем. Подавайте хлороформ!

Один из врачей аккуратным движением прижал к лицу пациента прозрачную дыхательную маску, тщательно следя за тем, чтобы исключить неплотное прилегание и одновременно не доставить дискомфорта столь важному ВИП-клиенту. Второй специалист уже регулировал подачу газовой смеси, ежесекундно сверяясь с кривой кардиограммы и показаниями дюжины других датчиков, густой сетью проводов опутывавших пациента. Взгляд Лозинского затуманился, и спустя пару секунд его глаза закрылись.

— Пациент под наркозом! — сообщил анестезиолог, на всякий случай сверяясь с приборами.

— Транспортёр! — коротко велел Кугельштайн.

Ближайший ассистент утопил кнопку на приборной панели, и нейрохирургическое ложе с пациентом под тихое жужжание двигателей плавно скользнуло в трубу операционного стола. Толстая крышка захлопнулась, запечатывая его внутри, и несколько секунд автоматика проверяла внутреннюю атмосферу трубы на герметичность и стерильность. Мониторы системы контроля микроклимата вспыхнули разрешающими сигналами, и нобелевский лауреат кивнул помощникам:

— Делайте надрезы! — Он сверился с центральным экраном: — У вас есть тридцать восемь секунд!

Замершие у интерфейсов автоматической операционной нейрохирургии немедленно принялись за дело, вращая верньеры тонкой подстройки оборудования и манипулируя джойстиком. Внутри операционной трубы к голове пациента протянулись семнадцать тонких манипуляторов, снабжённых микрокамерами и лазерными скальпелями. Персонал клиники доктора Кугельштайна своё дело знал.

Манипуляторы действовали вплотную друг к другу, но даже минимальная путаница и сутолока в их движениях была абсолютно исключена. Вскоре кожа на черепной коробке Лозинского была рассечена по старым шрамам, под которыми обнаружили миниатюрные платиновые заглушки, закупоривающие хирургические отверстия, что были высверлены в костных пластинах ещё девять месяцев назад. Манипуляторы с ювелирной точностью захватили заглушки, извлекли их из черепа и быстро разошлись в стороны, уступая место электронному инъектору. Целая корона из тускло поблёскивающих золотом игл приблизилась к голове пациента и замерла в ожидании завершения процесса прицеливания.

— Надрезы произведены, заглушки извлечены, наведение игл и юстировка их осей с черепными отверстиями завершены успешно! — доложил старший ассистент.

Доктор Кугельштайн молча направился к центральному операционному пульту и уселся в кресло.

— Время? — поинтересовался он, кладя руки на джойстики управления инъектором.

— Тридцать четыре секунды! — сообщил помощник. — Стабильность препарата девяносто девять и двадцать шесть сотых процента! Скорость распада увеличивается!

— Я приступаю, — известил профессор, и его руки медленно сдвинули джойстики с нейтрального положения.

Предстояла финальная, и самая сложная, стадия операции, требующая филигранного исполнения. Семнадцать игл должны одновременно войти в нужные части головного мозга пациента, каждая на свою, строго, до миллиметра, рассчитанную глубину, синхронно сделать инъекции и столь же синхронно покинуть мозг. Эту часть и без того тяжелейшей процедуры доктор Кугельштайн всегда проводил лично, не доверяя никому. Малейшая неточность в действиях может привести к летальному исходу, и полтора десятка секунд седой нобелевский лауреат представлял собой каменное изваяние. Даже опытный взгляд не сразу мог заметить шевеление его рук, сжимающих джойстики управления инъектором, по миллиметру выбирающих глубину погружения игл.

Указательный палец профессора коснулся миниатюрной кнопки красного цвета, едва заметной на боковой поверхности одного из джойстиков. Тихий щелчок возвестил о произведённой инъекции, и руки Кугельштайна немедленно приступили к извлечению короны игл из черепа пациента. Спустя ещё несколько секунд доктор отпустил джойстики, устало откинулся в кресле и стянул с себя стерильно-белый тряпичный шлем. Возле него немедленно возникла ассистентка и принялась аккуратными движениями промокать медицинским тампоном выступившую на лбу гения испарину.

— Зашивайте! — велел профессор. — Инъекция произведена успешно. До полного распространения препарата пациента из операционной капсулы не извлекать, установленный микроклимат не менять!

Получив команду, ассистенты вновь склонились над мониторами, и к голове Лозинского потянулись манипуляторы, спешащие запечатать хирургические отверстия в черепе новыми заглушками. Через полчаса, когда пациента станет возможным переместить из трубы, кожей на его голове займутся лучшие пластические хирурги — швы на голове столь значительной персоны должны быть сведены к минимуму, несмотря на ношение парика, к которому, как правило, прибегали все пациенты. Таковы правила доктора Кугельштайна, клиника тщательно следит за своей репутацией.

Лозинский пришёл в себя только к полудню следующего дня. Он открыл глаза, посмотрел на яркие лучи солнца, пронзающие отмытые до состояния полной незаметности оконные стёкла ультрадорогой персональной палаты, и недовольно поморщился. Опять проспал почти сутки, столько драгоценного времени впустую! Это была реакция организма на хлороформ, сладковатый запах которого всё ещё стоял у него в памяти и стал уже почти ненавистным для вице-премьера. Но с этой мелочью Лозинский был готов мириться, тем более что этот допотопный хлороформ оказался единственным анестетиком, с которым «уживалась» сыворотка доктора Кугельштайна. Все иные, более современные препараты, вкупе с ней по необъяснимым причинам с высокой вероятностью могли спровоцировать ураганный отёк головного мозга. Академик Линдер стал первой жертвой этого трагического феномена, из-за чего Кугельштайна едва не засудили в пух и прах. Однако старый нобелевский лауреат оказался хитёр и предвидел возможные варианты развития событий. Он заранее подписал с Линдером соглашение об отказе от каких бы то ни было претензий в случае возникновения в ходе

операции непредвиденных осложнений, вплоть до летального исхода. Кугельштайна быстро оправдали, после чего проклятый немец без зазрения совести поднял и без того немалую цену на свои услуги.

С тех пор операция обходилась всем желающим в полтора миллиона долларов, ещё столько же стоил синтез самой сыворотки, созданной старым профессором. И выбирать не приходилось, Кугельштайн оказался единственным медиком в мире, способным хотя бы на время разорвать цепь, которой Ареал приковывал к себе своих рабов, получившую в народе название «мозговой Зуд Ареала», или просто «Зуд». Остальные светочи от медицины либо признали своё бессилие, либо безрезультатно пытались отыскать собственное средство излечения. Целые научные институты бились над этой проблемой, но до сих пор ничего, кроме сыворотки Кугельштайна, не могло даже на время избавить от зависимости пострадавшего.

То, что манипуляции заносчивого немца подействовали и на этот раз, вице-премьер почувствовал сразу. Голова ещё болела, но эта боль осталась от сделанных в мозг уколов. Терпеть её было вполне реально, благо она ничем не напоминала жестокий Зуд Ареала, буквально на куски разрывающий мозги, когда казалось, будто внутри мозговых тканей выросли гнилые зубы, насквозь пропитанные острой болью... Теперь же, открыв глаза, Лозинский чувствовал свободу. Через двое суток постоперационное недомогание пройдёт, и он сможет насладиться жизнью, ценить которую научился четырнадцать месяцев назад. Раздражало лишь осознание того, что свобода эта продлится недолго. Сыворотка Кугельштайна действовала ограниченное время. В первый раз она подавляет боль на срок в пятьдесят восемь суток, и каждое последующее применение снижает её эффективность на тридцать четыре часа. Но самое отвратительное заключалось в том, что после окончания действия препарата мозг отказывался принимать его повторно ещё в течение месяца. И этот месяц приходилось проводить в Ареале, иначе боль от Зуда была нестерпима. Несколько десятков «добровольцев» сошли с ума или умерли от страданий в закрытых ведомственных лечебных учреждениях России, тщетно бьющихся над проблемой преодоления зависимости.

— Рад видеть вас посвежевшим, мистер Лозинский! — доктор Кугельштайн в сопровождении свиты помощников и ассистентов вошёл в палату. — Операция прошла успешно, все ваши показатели в норме, вы можете покинуть мою клинику, когда пожелаете!

— Чтобы вновь посетить её через три месяца! — скривился вице-премьер. Он усилием воли скрыл охватившую его злобу. Проклятый фашиствующий старикашка, что ты знаешь о моих страданиях?! Показатели в норме! Наверняка получаешь удовольствие, видя наши мучения, так же, как твой папаша, что с интересом ставил научные опыты над нашими предками, что были узниками гетто во Вторую мировую!

— Я понимаю ваше раздражение, — немец отреагировал абсолютно спокойно, — тем более что оно усугубляется побочным эффектом действия сыворотки. Это пройдёт через двое суток, как вы помните. Тем не менее я спешу вас заверить, что я и мои ученики неустанно работаем над усовершенствованием препарата. Мы делаем всё, чтобы увеличить его эффективность и сократить период отторжения. — Он многозначительно посмотрел на своего именитого пациента: — Это весьма нелегко. Ведь никто в мире не продвинулся в этой области далее нас, не с кем даже объединить усилия, всё приходится делать самостоятельно!

«Намекаешь на то, что, кроме как к тебе, нам деться больше не к кому?» — взъярился Лозинский, внешне оставаясь абсолютно спокойным. Мерзкий антисемит! Да, мы и в следующий раз прибежим к нему, как миленькие! Но вот только кто сказал, что он и действительно работает над повышением эффективности сыворотки? Ему как раз выгодно, чтобы мы заглядывали сюда почаще, зачем собственными руками закапывать золотую жилу? Что-то не верится в то, что препарат будет усовершенствован. Он, Лозинский, на месте Кугельштайна уж точно бы никогда этого не сделал. Надо будет обсудить с Беловым, можно ли проверить слова немца. Это уже четвёртая операция, и теперь вместо изначально обещанных пятидесяти восьми суток свободы у них осталось лишь пятьдесят два с небольшим дня. Подобное положение дел идёт несколько вразрез с заверениями о потугах, предпринимаемых Кугельштайном и компанией в области повышения эффективности своего зелья! А ведь дальше — больше! Точнее, меньше. Срок свободы неуклонно уменьшается с каждым разом, в

отличие от цены, выставленной доктором за услуги. Но выбора нет, до сих пор успех Кугельштайна никто не смог даже повторить.

Исследовать его сыворотку невозможно, и дело тут не в авторских патентах, немец не отказывается продавать образцы. Вот только препарат нестабилен и начинает разрушаться сразу после синтеза, и замораживание только ускоряет процесс распада. Полторы минуты — и сыворотка превращается в набор бесполезных молекул, что полностью исключает возможность любых вменяемых исследований. По этой же причине пациентам Кугельштайна приходится добираться до его клиники, корчась в мучениях от жуткой боли, и испытывать страдания до тех пор, пока препарат не будет синтезирован прямо у них на глазах. После этого у доктора есть едва полторы минуты на проведение операции. Даже технологию синтеза, которую немец не стал скрывать, никак не удастся воспроизвести с должным уровнем качества конечного продукта! Московские и американские медицинские институты постоянно пытаются воспроизвести препарат, но всякий раз его качество оказывается недостаточно высоким, а стабильность угрожающе низкой. Как-либо применить такой продукт не представляется возможным. Сам Кугельштайн в ответ на вопросы заявляет, что не доверяет синтез компьютерам. Он и его помощники назначают все хронологические интервалы интуитивно, они, мол, чувствуют синтез. Поверить в подобную чушь Лозинскому было сложно.

— С сожалением вынужден признать правоту ваших слов, доктор, — на лице вице-преьера более не было и тени недовольства. Дежурно-непроницаемое выражение, свойственное государственному чиновнику высокого ранга, было отшлифовано десятилетиями практики и надёжно скрывало любые эмоции. — Успехи мировой медицины в области нашего заболевания оставляют желать лучшего. Вы — наша единственная надежда на сегодняшний день. И я рад, что нам удалось найти общий язык и восстановить взаимопонимание, пошатнувшееся... эээ... на определённом этапе.

— Гибель мистера Линдера в ходе операции явилась огромной трагедией как для меня лично, так и для всей нашей клиники, — нобелевский лауреат склонил голову в знак соболезнования. — И дело не в том, что подобные случаи негативно сказываются на репутации лечебного заведения. Смерть пациента — это всегда личная утрата для врача, предназначение которого — хранить жизнь. Мы предприняли все возможные шаги для того, чтобы подобное не имело шанса повториться, и будем совершенствовать наши методы и впредь. Как видите, даже после столь чудовищного поражения в противостоянии с болезнью и последовавших за ним с вашей стороны попыток гонения, мы не опустили руки и всё же нашли способ преодолеть зависимость хотя бы на время. К сожалению, пока улучшить сыворотку не получается. Но мы не сдаёмся, мистер Лозинский.

— И да поможет вам бог! — заявил вице-премьер с выражением абсолютной солидарности на лице. Арийский подонок, намекает на судебное преследование, которое мы начали в отношении него после смерти Линдера на операционном столе этой расчудесной клиники. Тебе повезло, что ты единственный, кто способен хоть как-то справляться с Зудом. Иначе я вытряс бы из тебя судебным путём все твои деньги вплоть до цента. И наши с Линдером заокеанские родственники, с таким удовольствием ставящие нам палки в колёса, на этот раз охотно оказали бы помощь. Подумать только, докторишка заявил, что роковую роль в гибели Линдера сыграла его этническая принадлежность! Мол, конфликт с сывороткой возник на геномном уровне! Да за такое ты остался бы нищим, доживающим свой арийский век в тюрьме, если б не уникальность этой чертовой сыворотки! Но, раз пошёл обмен упрёками, я не останусь в долгу!

— Я хочу, чтобы вы знали, доктор: мы очень ценим вашу работу и надеемся на её дальнейший успех, — с выражением предельной усталости измученного неизлечимой болезнью человека произнёс Лозинский. — Это много значит для нас, гораздо больше, нежели затрачиваемые на лечение суммы. Ведь в Ареале томится почти двадцать тысяч человек! Вдумайтесь в эту цифру, доктор! Двадцать тысяч! Это больше, чем половина населения Лихтенштейна или Монако! И все они надеются, что мировая наука отыщет способ избавить их от зависимости. Мы не бедные люди, мистер Кугельштайн, но мы платим за ваши услуги не только ради собственного комфорта. Если наши деньги позволят вам создать средство, которое спасёт всех страждущих, мы испытаем неподдельное счастье. Ведь в этом будет частица и наших заслуг тоже. И речь здесь не о гражданском долге, но о простом человеколюбии и сострадании к ближнему своему, как завещал нам господь.

— Абсолютно с вами согласен, мистер Лозинский! — седой нобелевский лауреат без труда выдержал взгляд именитого чиновника. Не понять скрытый смысл слов российского вице-премьера он не мог, но вопреки ожиданиям Лозинского отреагировал весьма неожиданно: — Если нам удастся усовершенствовать сывортку и довести технологию её производства до промышленных критериев, мы предпримем всё для того, чтобы препарат стал доступен каждому больному. И более трети средств, выплачиваемых вами за лечение, идёт именно на финансирование дальнейших исследований в этой области, за что жители Ареала отчасти могут быть благодарны вам и мистери Белову. Тем паче, что, насколько мне известно, больше им надеяться не на кого. Остальная часть населения страны устраивает по отношению к ним неприкрытую дискриминацию и даже геноцид, а в сам Ареал, с молчаливого согласия правительства, стекаются преступники всех мастей, спасающиеся от преследования силовых структур. Некоторые особенно одиозные журналисты даже заявляют, что внутри Ареала процветает торговля женщинами и наркотиками и именно криминальные группировки заправляют всем в тех землях, а вовсе не возглавляемое вами РАО, власть и влияние которого, по их мнению, ограничивается периметром так называемого Сателлита. Впрочем, мы не склонны верить ушлым писакам. Наверняка всё это досужие домыслы представителей жёлтой прессы, оккупировавшей независимый интернет!

— Именно так! — подтвердил Лозинский. Вот же мерзкий человечиска! Он ещё смеет тыкать носом его, руководителя РАО «Ареал», бессменного вице-премьера целого государства, пережившего уже трёх президентов, в его же собственную вотчину! Эти учёные черви своей неуправляемостью и слабыми понятиями о том, кто есть кто в этом мире, порядком надоели ему ещё при прежнем «Ареале»! Что ж, хорошо! Сейчас он согласится с заносчивым умником, такое решение будет наилучшим и с политической, и со стратегической точки зрения. Кугельштайн пока нужен. Но как только они излечатся от зависимости, он позаботится о том, чтобы престарелый немец закончил свою жизнь в нищете, забытый всеми! Благо, семейные ресурсы позволяют организовать подобное. Не в первый раз! — Вы стали жертвой стервятников от журналистики, падких на жареные факты. Такое пишут лишь те, кто ради пятидесяти долларов, полученных за грязную статейку, готовы продать и истину, и честь профессии репортёра, и собственную совесть. В действительности правительство России прилагает все усилия, чтобы облегчить участь жителей Ареала. И не последнюю роль в этом играет население страны, создавшее и добровольно финансирующее посредством пожертвований несколько мощных негосударственных фондов, осуществляющих помощь пострадавшим от зависимости. Я могу со всей ответственностью повторить свои слова, произнесённые на докладе Президенту, состоявшемся три дня назад: жизнь и быт людей, для которых Ареал вынужденно стал домом, протекает на достойном уровне и ничем не отличается от уровня жизни любого региона страны!

— Не имею оснований не доверять словам столь видной политической фигуры, как вы, — дипломатично ответил Кугельштайн. Его лицо при этом не выражало и тени доверия. — Однако не смею больше отнимать у вас время! Вас наверняка ожидает бесконечное множество государственных дел, а мне необходимо продолжить обход пациентов. Желаю вам удачного пути!

Нобелевский лауреат попрощался и вышел вместе с ассистентами, и в палате остался только референт Лозинского. Увидев требовательный взгляд шефа, он немедленно устремился к шкафу и извлёк из него деловой костюм вице-премьера.

— Ваш автобус готов, Валентин Иванович, мы можем отправляться через четыре часа! — подобострастно сообщил он. — Со швейцарскими властями всё согласовано, к этому времени они дадут полицейское сопровождение и обеспечат зелёный коридор до самой границы. Дальнейший путь также согласован по линии МИДа, они прислали подтверждение вчера вечером. Власти транзитных государств предоставляют нам эскорт по стандартной схеме, в Россию доберёмся без задержек!

— Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь! — недовольно буркнул Лозинский, вставая с кровати. Он смерил референта мрачным взглядом и прошествовал в ванную комнату.

— Извините, Валентин Иванович! — побледнел тот, поняв, что не подумал и ляпнул лишнее.

Вице-премьер закрыл за собой дверь в ванную, но замок запирать не стал. Мало ли что... Случиться может всё, что угодно, в прошлый раз в руках парикмахера фен вспыхнул от короткого замыкания. Лучше не запираться, чтобы референт смог подоспеть на помощь, в случае чего. Сейчас необходимо

быстрее привести себя в порядок и покинуть палату и саму клинику. За дверью его ожидает охрана, в их присутствии ему несколько спокойнее. Лозинский подошёл к душевой кабине и с опаской протянул руку к лепестку регулировки подачи воды. По требованию вице-преьера из его персональной палаты убрали всё электрооборудование, оставив лишь минимально необходимые приборы. И всё же он опасался. Помнится, у Белова уже неоднократно лопались трубы системы отопления, он даже получил довольно болезненный ожог... На этот раз обошлось без происшествий, душевая кабина заработала исправно, и Лозинский принялся стягивать больничную пижаму со своего рыхлого дряблого тела.

В личном спецавтобусе Лозинский оказался за час до отправления. Сейчас, когда Зуд на время оставил его в покое, каждый час без боли, потраченный впустую, неслезанно раздражал вице-преьера. Он буравил референта недовольным взглядом, и тот, невольно ёжась от страха, каждые десять минут связывался с цюрихской полицией, уточняя, где сейчас находится положенный им эскорт. Наконец полицейские машины прибыли, и кортеж Лозинского покинул территорию клиники.

До границы с Германией добрались практически спокойно, только однажды на одном из автомобилей сопровождения лопнула крышка. Это произошло в момент прохождения поворота, джип на полном ходу развернуло поперёк дороги, но опытный водитель-ФСОшник справился с управлением и не допустил аварии. Охрана не пострадала, быстро заменила колесо, и спустя час отставший автомобиль догнал колонну у пункта пограничного контроля. Кортеж российского вице-преьера провели через границу вне очереди, и возражений не последовало ни со стороны официальных лиц, ни вынужденных посторониться людей. Лозинский мрачно усмехнулся, глядя в пуленепробиваемое окно, затянутое прозрачным покрытием из мягкого полиэтилена, наполненного воздухом. И швейцарцы, и немцы предоставили его кортежу полицейское сопровождение и организовали зелёный коридор на всём пути следования по территории своих государств, и точно так же поступят Чехия, Польша и Белоруссия. Все стремятся как можно скорее избавиться от дорогого гостя, лишние несчастные случаи с необъяснимыми причинами никому не нужны. Впрочем, в этом даже имелся свой плюс: в подобном режиме движения от Сателлита до Цюриха удавалось добраться за сорок один час, на семь часов раньше критического срока. Но это слишком медленно, если твой мозг раздрает нестерпимая боль! Быстро учишься ценить каждую минуту. Но специалисты по безопасности категорически запретили кортежу превышать скорость движения свыше ста километров в час. Заключение инженеров и медиков гласило, что гарантировать благоприятный исход в случае аварийной ситуации, учитывая специфику Зависимости, им сложно даже на рекомендованных скоростях.

— Валентин Иванович, разрешите? — мягкая перегородка, отделяющая салон вице-преьера от мест помощников, приоткрылась, и в него заглянул референт с мобильным телефоном вице-преьера в руках. — Генерал-лейтенант Белов на линии!

Лозинский молча протянул руку, забирая аппарат, и взглядом велел референту оставить его в одиночестве. Видеть сейчас кого бы то ни было вице-премьеру не хотелось, а следить за состоянием и прочей безопасностью своего шефа подчинённые могут и со своих мест, спецавтобус нашпигован камерами и микрофонами под завязку.

— Слушаю тебя, Эдуард, — Лозинский поднёс трубку к уху. — Надеюсь, у тебя всё хорошо?

— Я тоже на это надеюсь, — в голосе генерала чувствовалась нервозность. Терпеть раздражающий мозг Зуд было нелегко. — Как прошла операция?

— Без осложнений, — ответил вице-премьер. Раз Белов испытывает боль, значит, он находится вне Ареала. — Что-то произошло, Эдуард? Ты не станешь покидать Сателлит без причины.

— Текущие вопросы, — генерал держал себя в руках, но Лозинскому было хорошо известно, какими усилиями даётся эта видимая сдержанность. Боль, причиняемая Зудом, в первые часы после покидания пределов Ареала оказывалась вполне терпима, но нарастала быстро и к исходу суток представляла собой поистине адские мучения. И чем дальше от границ Зелёной Зоны находился человек, тем сильнее были страдания. Путь в клинику Кугельштайна мало чем отличался от изуверской пытки, и тем блаженней было возвращение.

— Некоторые действия необходимо и возможно предпринимать только в Москве, — продолжил Белов звенящим от напряжения голосом, — ты не хуже меня это понимаешь, Валентин.

— Понимаю, — согласился вице-премьер. За прошедший год их с Беловым позиции во власти существенно пошатнулись. Зуд вынуждал из каждых трёх месяцев один проводить в глуши Сателлита, вдали от столицы, и в подковёрных интригах соперники этим активно пользовались, стремясь перетянуть на себя политическое одеяло. — Сколько тебе до операции?

— Сто девяносто два часа, — хрипло выдохнул генерал. — Кугельштайн улучшил сыворотку?

— Нет, Эдик, — вице-премьер зло скривился. — Он по-прежнему кормит нас обещаниями, но реальных успехов не достиг. Мне ввели стандартный препарат.

— Значит, минус ещё тридцать четыре часа? — сипло задышал генерал.

— Да, — подтвердил Лозинский. — Мой таймер уже запущен, — он непроизвольно скопил глаза на запястье левой руки, где ультрадорогой хронометр от «Патек Филипп», произведённый эксклюзивно для российского вице-преьера, отсчитывал оставшееся время свободы от зависимости. — Может, тебе повезёт больше.

— За восемь суток Кугельштайн изобретёт новую сыворотку? — язвительно фыркнул Белов. — Ты в это веришь, Валентин?

— Нет, — согласился Лозинский. — Но перед выпиской он долго пел мне песни на эту тему. И потому я бы хотел обсудить с тобой некоторые вопросы касательно... сложившейся ситуации. У меня возникли сомнения в его искренности.

— После моей операции! — мгновенно согласился генерал. — В день возвращения в Россию. Раньше не могу, к утру я должен вернуться в Сателлит, иначе не выдержу. Но ты, если желаешь, можешь навестить меня там.

— Это не срочно, — внёс уточнение вице-премьер. Прежде чем закончится действие препарата, он в Ареале не появится ни за что, даже если там высадутся все инопланетяне Вселенной вместе взятые, а тупое стадо, влачащее жалкое существование в Зелёной Зоне, разом издохнет от очередного Выброса. — Разговор может подождать ради более важных дел.

— Значит, договорились, — заключил Белов. — Мой помощник свяжется с твоим ближе к встрече. Мне пора идти, Валентин. Ровной дороги тебе, — пожелал генерал ФСБ и отключился.

Пожелание сейчас как нельзя кстати. Путь до Москвы не близок, и случиться может всё, что угодно, от незначительной поломки до серьёзной катастрофы, такое происходило уже не раз и не два. Лозинский положил телефон на столик и задумчиво откинулся на спинку глубокого мягкого дивана. На лице вице-преьера появилась злобная гримаса. С таким же успехом он мог рухнуть на пол. Его персональный салон, равно как и весь автобус, был обит мягкими материалами, отчего вызывал нездоровые ассоциации с палатой в психушке для особо неуравновешенных пациентов. Сам по себе этот автобус был сконструирован так, что не потерял бы своей первоначальной формы даже в случае лобового столкновения с товарным составом, но его пассажиры, учитывая Зависимость, вряд ли выживут и при гораздо менее серьёзной катастрофе. И потому во внутреннем интерьере была применена стопроцентная отделка мягкими и сверхмягкими материалами и подпружиненными конструктивами. По мнению экспертов, это позволяет исключить возможность получения серьёзных травм в случае аварии и крушения на скорости до ста километров в час. До сих пор это соответствовало действительности, и Лозинский, покидая Ареал, не появлялся на улице вне своего спецавтобуса. У генерал-лейтенанта Белова имеется точно такой же, это подарок Родины в лице Президента Воробьёва двум Героям России, потерявшим здоровье в самоотверженной борьбе с беспрецедентной катастрофой Ареала, потрясшей не только Россию, но и весь цивилизованный мир.

Того, что произошло после операции «Дезинфекция», не ожидал никто. Как позже предположили специалисты ведомства Белова в сверхсекретном докладе, энергия ядерного взрыва вступила в синергизм с энергиями Ареала, максимальными в своей активности в Эпицентре. В результате образовалась небывалая по своей мощности энергетическая аномалия, выплеснувшаяся далеко за пределы Ареала и поглотившая огромную территорию. Структура аномальных зон и происходящих внутри них процессов претерпела серьёзные изменения, и отныне имеет мало общего с тем, что представляла собой до «Дезинфекции». В первые дни доподлинно известно было только то, что радиальная ширина Зелёной Зоны составила порядка пятидесяти километров и граница Жёлтой Зоны проходит практически точно по внешнему периметру бывшего Пояса. Остальное лишь догадки, новый Ареал необходимо изучать заново. В тот момент никто даже не представлял себе, насколько

серьёзными окажутся произошедшие изменения. Все, затаив дыхание, напряжённо ждали дальнейшего развития событий: Президент — атаки инопланетян, Штаты и мировое сообщество — объяснений от России по поводу запуска ракеты с ядерной боеголовкой, Совет Директоров РАО — появления из Ареала всяческих рентгенов и Воронцовых с фатальными разоблачениями.

Но всё случилось иначе. Сигнал, шедший из Эпицентра куда-то в центр Вселенной, исчез, инопланетяне так и не появились, и операция «Дезинфекция» была признана успешной. Более того, Президент заявил мировому сообществу, что именно нанесение ядерного удара по Эпицентру позволило прекратить ураганное распространение гигантской катастрофы, неожиданно для всех вырвавшейся из Ареала и в считанные часы поглотившей территорию радиусом в сто тридцать километров. Элементарная подтасовка минимума фактов, срочно проведённая соответствующими специалистами, позволила убедительно доказать это заявление. Загадочная и необъяснимая угроза всему миру была остановлена благодаря оперативным и решительным действиям российского правительства и Совета Директоров РАО «Ареал», не побоявшихся нанести ядерный удар по территории собственной страны ради безопасности всей планеты, или, как минимум, целого континента. Позже западные эксперты, как принадлежащие НАСА, так и якобы независимые, изучавшие загадочный энергетический импульс, опубликовали доклад. В нём говорилось, что энергоканал, связавший Эпицентр с дальним космосом, по их мнению, существовал в два этапа. На первом он истекал с поверхности планеты, на втором же, наоборот, приходил к Земле тем же маршрутом. Эти умники даже вычислили направление, и оно совпало с направлением на какой-то там квазар, находящийся в миллиардах световых лет. Ничего конкретного объяснить они так и не смогли, лишь сослались на слишком большое количество гипотез, не позволяющее прийти к единому толкованию произошедшего. Но одна из таких версий гласила, что если сугубо теоретически предположить, что аномальные процессы, происходившие в Эпицентре, смогли вызвать некий узконаправленный поток энергии в сторону квазара, то мощь подобных аномалий должна была быть колоссальна и вполне могла превратить поверхность Земли в одну большую, охваченную катастрофой, область. Другие учёные возражали, считая, что достичь квазара импульс мог и имея гораздо менее разрушительную мощь, но вот пришедшие в ответ энергии точно грозили планете полным уничтожением. Против подобных умозаключений выступало ещё большее множество научных деятелей, но это как раз уже не имело значения. Достаточно того, что хотя бы некоторые нероссийские специалисты признавали возможность произошедшей в Ареале катастрофы нанести серьёзный урон существующей цивилизации. Российское правительство ухватилось за их позицию мёртвой хваткой, и вскоре потенциальный международный скандал превратился в международный же спасательный проект. Все устремились оказывать помощь России в ликвидации последствий чудовищной катастрофы. В надежде отхватить под этим предлогом хоть малый кусок от ареаловского нефтяного пирога. Тут-то и началось самое интересное.

Вице-премьер вновь поморщился, вспоминая тот день. Его решение перед началом «Дезинфекции» спуститься в защищённый командный пункт спасло жизни им всем, даже этим двум идиотам, Прокопенко и Хантеру. Первого спасла трусость, второго — глупость. Племянничек Белова, узнав о поступившем приказе поместить Прокопенко под домашний арест, воспыал желанием заступиться за невинно оклеветанного борца со шпионажем. Он воспользовался своими особыми полномочиями, полученными на время операции по задержанию иностранного резидента, явился к Прокопенко и потащил его с собой прямиком к дяде, разбираться в поисках правды. Насмерть испуганный Прокопенко не смог отказать лейтенанту Левину, хоть и прекрасно понимал, что подобные пристрастные беседы не несут для него ничего хорошего. В результате охрана задержала обоих болванов у внешнего входа в защищённый командный пункт за каких-то полминуты до удара, и отправлять их назад уже не имело смысла.

А потом со стороны Ареала пришла колоссальная ударная волна огромной разрушительной силы, и начался мощнейший Выброс, мгновенно поглотивший пятьдесят три с лишним тысячи квадратных километров. Люди потеряли сознание от боли и находились в беспамятстве по шесть-восемь часов. Когда Лозинский пришёл в себя, всё вокруг трясло так, что даже врытый на десять метров под землю защищённый командный пункт вибрировал, словно от лихорадки. Связи не было, приборы не работали, понять, что происходит, оказалось решительно невозможно. Если бы не охрана, заявившая,

что налицо все признаки Выброса за исключением ударной волны, Совет Директоров вполне мог поверить в версию о нападении инопланетян.

Трясти перестало только к утру следующих суток. Аппаратура связи и прочее оборудование по-прежнему не функционировали, и Лозинский приказал покинуть убежище. Однако сделать это оказалось непросто, автоматика раздвижения потолочных бронеплит, скрывавших выход на поверхность, не работала. Охране пришлось воспользоваться ручным механическим управлением, и на одно только открытие дверей и подъём винтовой лестничной аппарели до уровня почвы ушло почти сорок минут. На поверхности их глазам предстала картина полнейшего разрушения. Ударная волна превратила Городок РАО в огромное месиво, состоящее из груд обломков и разрушенных скелетов строительных конструкций. Повсюду валялись куски стен, обломки мебели и изуродованные трупы погибших. Едва кто-то из охранников сделал шаг от входа, его в мгновение ока разорвало в кровавую кашу невидимой аномалией. Один из личных телохранителей Белова заявил, что не знает как, но территория Городка теперь явно находится в Жёлтой Зоне, и двигаться по поверхности равносильно самоубийству.

Тогда Белов с Лозинским решили использовать свой последний козырь. Все вернулись внутрь защищённого командного пункта, надёжно заперли вход и воспользовались потайным путем, проложенным ещё при строительстве этой части Пояса. Заранее пробитый для подобной ситуации подземный тоннель вёл из убежища за пределы Ухты на расстояние в три километра. Установленная в нём узкоколейка с ручной дрезиной, специально, чтобы не выдать факт бегства звуком работающего двигателя, не могла вместить всех, и потому часть охраны двигалась за ней пешком. Тайный ход выводил к спрятанному в тайге секретному ангару, где в постоянной готовности находился резервный вертолёт Совета Директоров РАО и два боевых вертолёта охраны. Этот секретный объект находились под личным контролем генерала Белова и охранялся исключительно доверенными людьми.

Но прибытие в ангар едва не обернулось трагедией. Сооружение не было подземным, и находившиеся в нём охранники попали под действие Выброса. Как только ворота тоннеля распахнулись, выпуская в ангар дрезину, зомбированные охранники ангара бросились на людей, паля из оружия. Несколько телохранителей погибли сразу, двое оставшихся в живых офицеров срочно давали дрезине задний ход, пытаясь укрыть Совет Директоров в тоннеле, пока их третий сослуживец отстреливался от наседавших Зомби. Только прибытие личной охраны Белова, следовавшей пешком по узкоколейке, спасло ситуацию. Два десятка головорезов генерала перебили всех Зомби, и директорат смог выйти из тоннеля в ангар. Но на этом злоключения не завершились. Оказалось, что ударная волна, пришедшая из Эпицентра, пройдя по тайге, потеряла свою силу лишь частично, вследствие чего с ангара сорвало часть кровли прямо над ближайшим вертолётom. Внешне он выглядел нетронутым, но где-то в непосредственной близости от него образовалась аномалия. Выяснилось это просто — помощник Лозинского, имевший пилотскую лицензию, направился к вертолётu и тут же превратился в кровавую кашу на полу ангара. Охранники Белова долго манипулировали УИПами, исследуя помещение, но всё же определили, что два других вертолётa безопасны, к ним можно пройти и даже беспрепятственно вывести их из ангара. Потому что вокруг уже была Зелёная Зона, и законы её пространства позволяют запустить двигатели. Дежурная смена пилотов стала Зомби вместе с охраной ангара и была уничтожена, но, к счастью, среди людей генерала нашлось двое, умевших управлять вертолётom. Несколько часов телохранители возились с очисткой крыши и раскрытием потолочных люков, после чего все погрузились в два вертолётa и поднялись в воздух. Третью машину пришлось оставить, вести её было некому, а уничтожить — слишком громко, привлекать внимание к ангару не стоило. Беловские головорезы частично заминировали строение, но подходить к самому вертолётu никто не решился. Аномалия будет охранять его лучше любой бомбы, превосходное средство от излишне любопытных, если таковые отыщутся.

Вертолётy поднялись на безопасную высоту и взяли курс на Сыктывкар. Однако по пути стало ясно, что неожиданная катастрофа не избавила Совет Директоров от всех проблем и их свидетелей. Кто-то из сотрудников узла связи Городка, в нарушение всех законов и подписанных приказов об ответственности за разглашение государственной тайны, подслушивал переговоры директоров с Президентом и оказался в курсе официальных причин проведения операции «Дезинфекция». И по закону подлости, разумеется, эти люди выжили, и даже сумели выбраться из смертельно опасной

Жёлтой Зоны, имея на руках исправный передатчик. Выяснить, что ещё им известно, времени уже не было, риск и без того оказался слишком велик — резервную машину Совета Директоров узнавали немногие выжившие ухтинцы, из развалин постоянно кто-то махал им руками или привязанным к обломкам досок тряпьем. Пока летели к Сыктывкару, вызвали при помощи бортовой радиостанции выживших связистов, представились спасателями и приказали собраться всем в одном месте для эвакуации. Как только вертолёты достигли города, Белов сформировал из своих головорезов особую команду, которая закрасила бортовой номер на МИ-24 сопровождения и немедленно отправилась решать эту внезапно возникшую проблему. Тут надо отдать должное Эдуарду — это у него получилось очень эффективно. К тому моменту, когда проводившие эвакуацию сыктывкарские, архангельские и печорские спасатели начали находить уцелевших жителей Ухты, среди них не было никого, кто бы заявил о каких-либо инопланетянах, «Дезинфекциях» и прочее.

Ни тот странный Туман-Берёзов, ни Рентген, ни генерал Воронцов, ни кто-либо из его сотрудников не выжили в случившейся катастрофе. Иностраный резидент также погиб, никаких более-менее серьёзных свидетелей не осталось, и угроза разоблачения, столь неумолимо нависшая над Советом Директоров, перестала существовать. Конечно, не всё сложилось абсолютно идеально, кто-то из тех, что были в курсе событий лишь частично или вообще только понаслышке, смогли спастись. Но ни общественного, ни политического веса таковые люди не имели, как не имели и никаких доказательств, что ставило их обличительные рассказы в разряд домыслов, газетных уток и жареных фактов. Подобных личностей аккуратно выявляли и заставляли замолчать тем или иным способом. Впрочем, сделать это не составляло особого труда — они не пользовались поддержкой народа. Стадо неохотно верит в рассказы о пришельцах и мировых заговорах, так что к их писку, едва звучащему в дебрях бескрайних помоек интернета, прислушивались лишь любители НЛО и горе-борцы с масонами. Единственной более-менее опасной фигурой оставался майор Плетнёв, сотрудник Отряда Специальных Операций, проходивший в документах РАО под радиопозывным «Медведь». Как раскопал Белов, он находился в доверительных отношениях и с Туманом, и с Рентгеном, и даже с теми двумя учёными, что так не угодили Академии Наук. Таким образом, факт его участия в заговоре против Совета Директоров не вызывал сомнений. Согласно показаниям выживших, некоторые из них видели майора Медведя в Зелёной Зоне уже после катастрофы. Это несмотря на то, что, согласно официальному докладу Рентгена, тот должен был находиться под арестом. Наверняка Плетнёву-Медведю что-то известно, возможно, даже всё, но до сих пор он в поле зрения Белова не появлялся. Это могло означать лишь одно — Медведь не покидал пределов Арела, иначе Зуд быстро привёл бы его в лечебные учреждения и, соответственно, в руки Белова. Больниц, находящихся вокруг Арела, не так много, и все они под контролем. Вероятнее всего, что, кроме своей осведомлённости, иных доказательств у Плетнёва не имеется, и он скрывается в аномальных территориях, пытаясь выжить. Это уже проблема Белова, и рано или поздно Эдуард её решит, в этой области равных ему найдётся немного. Он уже избавился от половины своих подручных, что были в курсе их совместной операции, причём организовал это настолько ловко, что другая половина до сих пор не подозревала, что грядёт их очередь.

Но радоваться тому, что краха удалось избежать. Совету Директоров пришлось недолго. Беда, как говорят русские, не приходит одна. И истинная трагедия оказалась гораздо ужаснее перспективы провести остаток жизни в бегах, но с огромным состоянием на счёте. От этой катастрофы спасти их оказались бессильны даже накопленные миллиарды. Поначалу масштабов этой чудовищной трагедии никто не разглядел. Выжившие под катастрофическим Выбросом люди, покидая границы Арела, ощущали едва заметную зудящую боль, слабо сверлящую мозг. Её посчитали посттравматическим эффектом гигантского Выброса и не восприняли всерьёз. Уцелевших срочно развозили по лечебным учреждениям Москвы и Санкт-Петербурга, и врачи прогнозировали спад болевых ощущений в ближайшие дни. Однако слабый зуд не проходил и даже незначительно усиливался по мере удаления от Арела, но неприятные ощущения хоть и не заглушались обезболивающими препаратами, но были терпимы, и медики заявляли, что в ближайшие две-три недели эта проблема будет успешно решена.

Тем временем спасательная операция в районе Арела набирала обороты. Правительство выделило огромный бюджет, направленный на ликвидацию последствий катастрофы и помощь пострадавшим. США, Великобритания и многие страны — участницы ООН выслали в Россию свои спасательные

отряды, процентов на пятьдесят укомплектованные всевозможными шпионами и научными сотрудниками разведывательных ведомств. Иностранцы с пылким энтузиазмом бросились в Зелёную Зону в поисках погибших нефтепромыслов и научных лабораторий, стремясь, разумеется, отыскать и спасти тех, кого ещё не спасли неуклюжие русские. Россия срочно стягивала к месту трагедии силовые, спасательные, строительные и медицинские силы. К Ареалу направлялась гуманитарная помощь, начался масштабный подвоз строительных материалов и техники. Необходимо было не только обеспечить выживших ухтинцев и сотрудников нефтепромыслов новым местом жительства, но и срочно возобновить добычу нефти «Тип Х», цены на которую после катастрофы взлетели до фантастических высот. У новых границ Ареала оперативно сосредотачивалось огромное множество сил, средств и людских ресурсов.

Возглавить столь масштабную спасательную операцию Президент доверил Совету Директоров РАО «Ареал», национальным героям, чудом спасшимся из самого сердца трагедии. Никто из директоров не пожелал остаться в стороне и лечь на лечение в больницы. Пройдя медицинское обследование, они были признаны здоровыми и уже через два дня вернулись на свои посты, оперативно взяв в руки бразды правления. Каждый из них понимал, что упускать настолько огромные финансовые потоки нельзя ни в коем случае. Желаящих присесть на практически бездонную кормушку более чем достаточно, а в том, что любая правительственная программа по восстановлению какого-нибудь региона после какой угодно катастрофы есть настоящий Клондайк, никто из мало-мальски серьёзных чиновников не сомневался ещё с тех пор, когда официально завершились боевые действия на Северном Кавказе. К тому же Президент Воробьёв, по совету Лозинского и Белова, принял весьма дальновидное решение не пускать на опасные территории главу МЧС, учитывая секретную подоплеку операции «Дезинфекция». Все старшие офицеры МЧС, задействованные в спасательной операции, внутри Зелёной Зоны были подчинены вице-премьеру и члену Совета Директоров от ФСБ. В результате главный МЧС-ник возился со всей рутинной работой на прилегающих к Ареалу территориях, не имея внутри запретных зон ни особых полномочий, ни серьёзной власти. Это быстро вызвало конфликт интересов, разрешая который Президент Воробьёв прямо заявил главе МЧС, что тот недостаточно осведомлён о специфике работ внутри Ареала, и подтвердил полномочия Лозинского. МЧС-ник затаил обиду, но, как оказалось, ненадолго.

На следующие сутки, девятые после катастрофы, произошёл новый Выброс. Он начался внезапно, ровно в полдень, в самый разгар проводимых спасательных работ. Нельзя сказать, что его не ждали совсем, но на территории Зелёной Зоны находилось слишком много неопытных людей, знакомых с законами Ареала исключительно теоретически. Новый Выброс не был столь разрушительным, как поглотившая Ухту катастрофа, это был вполне стандартный для Ареала процесс, но он застал врасплох многих. Полторы тысячи людей, оказавшихся под открытым небом, погибли, ещё большее количество попыталось укрыться внутри техники или строений. Нарушив главное правило безопасности — при Выбросе находиться ниже уровня земли, — все они подверглись зомбированию, и спустя шесть часов, когда Выброс закончился, по всей Зелёной Зоне гремели выстрелы и шли отчаянные бои выживших с новоиспечёнными отрядами Зомби. В тот момент глава МЧС вряд ли сожалел, что ни разу не был допущен внутрь аномальных территорий, но Лозинскому уже было глубоко наплевать и на него, и на все прочие проблемы.

Зуд. После выброса он усилился резко и многократно. Возросшие болевые ощущения почувствовали все, кто носил в себе эту, до сего дня незначительную, боль. Более того, сотрудники спасательных, строительных и прочих отрядов, попавшие под новый Выброс и уцелевшие, все до единого оказались поражены таким же недугом. Это вызвало серьёзную обеспокоенность, как в обществе и в правительстве, так и за рубежом, иностранные государства срочно принялись выводить из Ареала свои спасательные силы. А так как осталось от них очень немного, то ажиотаж поднялся нешуточный. За всем этим международным нытьём не сразу разглядели главного: Выброс изменился. Его Шаг упал до двухсот метров, но негативное воздействие резко возросло. Попавшие под его воздействие фауна и флора демонстрировали предельную степень враждебности к человеку и крайнюю агрессивность. Пришла пора спасать самих спасателей, и Президент приказал временно приостановить строительные работы в районе Ареала и сосредоточиться на спасательных мероприятиях. МЧС немедленно столкнулось с проблемой нехватки кадров. Люди не желали работать в Ареале даже под угрозой

увольнения, более того, зачастую увольнялись по собственному желанию, едва получали туда назначение. Население близлежащих к смертельно опасным территориям городов стало стремительно убывать, люди торопились покинуть прилегающие к Ареалу места, опасаясь новых гигантских катастроф.

Программа по восстановлению РАО «Ареал» забуксовала, и правительству пришлось прибегнуть к массивному стимулированию её участников. Всем желающим принять участие в строительно-восстановительных работах гарантировалась выдача квартир по месту жительства в частную собственность за счёт государства, заработные платы подняли втрое, ввели обязательное и бесплатное санаторно-курортное лечение и целый пакет иных льгот. Кроме того, была обнародована масса всевозможных научных докладов и документов, свидетельствующих о том, что повторение крупномасштабной катастрофы в Ареале невозможно в принципе. Более того, благодаря нанесению ядерного удара по Эпицентру распространение аномальных территорий удалось серьёзно замедлить. И хотя Ареал продолжает прирастать на один метр в сутки, последний Выброс, имевший шаг всего лишь в двести метров против прежних тысячи ста пятидесяти трех, является лучшим и убедительным тому доказательством.

Принятые правительством меры позволили замедлить отток кадров из проекта и спасти программу, на осуществление которой были затрачены огромные средства. Для успокоения народа спасательные мероприятия упростили и в течение трёх суток объявили об их полном и успешном завершении, после чего сосредоточились на восстановлении погибших нефтепромыслов, добывающих «Тип Х». Сразу выяснилось, что в условиях резко возросшей агрессивности аномалий и природы Ареала единственными промыслами, до которых ещё можно было дотянуться с минимальным риском, оказался Тэбук в посёлке Нижний Одес и ещё не законченная скважина в районе посёлка Каджером. Было принято решение сосредоточить усилия на Тэбуке, так как восстановить скважину будет проще, кроме того, к Тэбуку подведён трубопровод от месторождения в Джьере, что позволит обогащать добытую там нефть при её прогонке через Зелёную Зону Ареала. Это обещало позволить восстановить добычу «Тип Х» в относительно сжатые сроки, что являлось важным не только с коммерческой точки зрения. Удерживать людей в Ареале становилось труднее с каждым днём, и чем раньше заработает Тэбук, тем лучше. Бурение же скважины в Каджероме ещё надо завершить, кроме того, это месторождение находится всего в паре километров от границы Ареала, и привлечь работников для его строительства будет гораздо легче, чем в Тэбук, расположенный в самом центре Зелёной Зоны. Чтобы не допустить третьей трагедии, вокруг мест строительства были выкопаны блиндажи в качестве укрытий на экстренный случай и развёрнуты научные наблюдательные пункты, круглосуточно следящие за Ареалом.

Но с таким трудом организованная система зашаталась уже через неделю, с новым Выбросом, а вскоре всё и вовсе рухнуло, словно карточный домик. Оказалось, что отныне Выбросы редко длятся более суток, но зато происходят каждые шесть-десять дней. Но настоящую панику вызвало даже не это. С каждым Выбросом Зуд становился всё сильнее, и к исходу второго месяца после «Дезинфекции» боль, терзающая пострадавших людей, стала физически невыносима. Единственным обезболивающим средством оказалось возвращение внутрь аномальных территорий. Стоило поражённому Зудом человеку перешагнуть границу Зелёной Зоны, как боль прекращалась. Прежде чем это было подтверждено на официальном уровне, в клиниках и больницах от невыносимых мучений скончалось и сошло с ума несколько десятков человек.

Особенно досталось иностранным шпионо-спасателям, которых собственные государства отозвали с территории России в срочном порядке, и возможности запросто и в любой момент вернуться в Ареал они не имели. Отток специалистов из мест строительства в Зелёной Зоне превратился в повальное бегство, и работы встали. Не хватало даже охранников, чтобы стеречь завезённые в районы работ строительные материалы и технику. Материальные ценности бросали под открытым небом, их судьба уже не волновала людей, стремившихся покинуть жуткие места. В тот момент и выяснилось, что Зуд получали не только те, кто попал под Выброс. Как оказалось, чтобы стать зависимым от Ареала, достаточно лишь пересечь границу Зелёной Зоны. Любой, кто сделал хотя бы шаг внутрь аномальных территорий, навсегда становился их рабом. Ещё ужаснее оказался новый механизм воздействия Выброса. Попавший под него на открытом месте погибал в считанные секунды, укрывшийся в некоем

закрытом пространстве выше уровня земли — становился Зомби даже в Зелёной Зоне, чего до катастрофы не наблюдалось. Спасение гарантировало только подземное укрытие. Это известие вызвало среди побывавших в Ареале участников программы восстановления РАО повальную панику, а среди населения прилегающих к Зелёной Зоне земель едва ли не животный ужас по отношению к Ареалу. Близлежащие посёлки почти полностью обезлюдели в течение нескольких суток. Правительство ожидало массовой подачи судебных исков, но эту неприятность, к счастью, удалось свести к минимуму. И основную роль в этом сыграло резко негативное отношение большинства населения страны к пострадавшим в Ареале. Быстро вспыхнувшее острое недовольство стремительно набирало обороты, и тому имелись страшные причины.

Уже к окончанию первого месяца после катастрофического Выброса распространилась информация о том, что в местах, где селились покинувшие Ареал люди, резко возросло количество несчастных случаев. Объяснить это явление оказалось невозможно, но факт оставался фактом: вокруг страдающего Зудом человека разбивались автомашины, замыкала электропроводка, сгорала бытовая техника, отказывали кардиостимуляторы, споткнувшиеся прохожие падали с высоты собственного роста и получали серьёзные переломы и травмы. Количество несчастных случаев со смертельным исходом начало зашкаливать, и вскоре ситуация вышла из-под контроля. Последней каплей стало крушение пассажирского самолёта. Новый дальнемагистральный аэробус из-за отказа двигателей рухнул с высоты пятисот метров, никто из пассажиров, среди которых были двое «ареаловцев», не выжил. Комиссия, назначенная расследовать обстоятельства катастрофы, так и не смогла определить её причин. В совокупности с сотнями других трагедий, всё это дало неизбежный результат.

На выходцев из Ареала мгновенно пало клеймо прокажённых. Их боялись и сторонились, опасались принимать на работу, находиться в одном транспорте, разговаривать и даже просто приближаться. СМИ пестрели сообщениями о взорвавшихся газовых баллонах в квартирах пострадавших от аномальных территорий или их соседей, убивающих током чайниках, принтерах и копирах в офисах, где работали бывшие «ареаловцы», сошедших с рельс трамваях и отказавших тормозах автобусов, мимо которых они просто проходили по улице. В стране началась тихая паника, быстро трансформировавшаяся в дискриминацию подверженных Зуду людей. Их всячески травили и избегали, случаи, когда сотрудники фирм и организаций целыми офисами подавали заявления на увольнение, если начальство соглашалось принять на работу такого «прокажённого», начали приобретать массовый характер. Вскоре появились сведения об актах самосуда и линчевания, учинённых родственниками и близкими пострадавших от несчастных случаев граждан в отношении проживающих неподалёку зависимых от Ареала людей. «Прокажённых», или, как прозвали «ареаловцев» в народе, Зависимых, повсеместно притесняли и всячески изживали. Среди Зависимых участились случаи суицида, но основная часть людей стремилась выжить, и сделать это можно было лишь единственным способом.

Всеобщий страх, граничащий с ненавистью, вкупе с постоянно усиливающимся Зудом, заставлял Зависимых вновь приезжать к границам аномальных территорий. Они пытались находиться ближе к Зелёной Зоне, надеясь на ослабление боли. Тем временем Выбросы продолжали идти с постоянной периодичностью четыре-пять раз в месяц, Зуд становился всё мучительнее, и вскоре провести вне Ареала более двух суток и одновременно не умереть или лишиться рассудка от рвущей на куски мозг боли стало невозможно. Зависимые, оказавшись один на один с человеческой злобой, всеобщей враждебностью и собственными мучениями от всепоглощающего Зуда, не имели иного выбора, кроме как вернуться в Ареал, который стал для них местом пожизненного заключения. Уцелевшие жители Ухты и немногих близлежащих посёлков; выжившие под гигантским Выбросом сотрудники РАО и окрестных нефтепромыслов; спасатели, строители, учёные, медики, силовики, привлечённые после «Дезинфекции» к ныне рухнувшей правительственной программе по спасению пострадавших и восстановлению РАО; и даже заключённые, отбывавшие срок в исправительных учреждениях, которым посчастливилось не подвергнуться зомбированию и не погибнуть от рук своих сокамерников, ставших Зомби, — в Ареал начали возвращаться все, кто носил в мозгу безжалостный и мучительный Зуд. Даже посещавшие Зелёную Зону иностранцы, умудрившиеся не сойти с ума и не погибнуть от боли к этому времени, всеми силами стремились получить разрешение на проживание в запретных территориях.

Сначала Зависимые селились в Сыктывкаре, что вызвало немало волнений и стычек с местными жителями. И без того малочисленные, городские органы правопорядка значительно поредели вследствие оттока людей в более благополучные регионы страны и слабо справлялись с поддержанием законности среди резко возросшего населения. По городу прокатилась волна кровопролитных беспорядков, но длились они недолго. Выбросы продолжали происходить, и с каждым из них боль от Зуда возрастала всё сильнее, заставляя Зависимых приближаться к границам Ареала. Подгоняемый быстро усиливающейся болью, людской поток переместился в Троицко-Печорск, затем в Печору, потом выплеснулся в ближайшие к Зелёной Зоне посёлки, поневоле возрождая давно заброшенные населённые пункты. Но Зуд не дал несчастным шанса удержаться вне аномальных территорий. После катастрофического Выброса, уничтожившего цивилизованную жизнь в радиусе ста тридцати километров от Эпицентра, не прошло и десяти недель, но Ареал уже собрал внутри себя всех, кого приковал к себе незримыми цепями, разорвать которые оказалось никому не под силу. Люди в промежутках между Выбросами наскоро отрывали землянки или устраивали блиндажи в овражках и пересохших руслах рек, если такие места оказывались свободны от Студня. Условия жизни, в которых оказались Зависимые, были близки едва ли не к первобытным.

К тому моменту Совет Директоров РАО «Ареал» во главе с вице-премьером успел поставить на ноги всех светил мировой медицины, пытаясь избавиться от Зуда. Но врачи лишь разводили руками. Учёным не удавалось выявить механизмы, отвечающие за развитие внутри мозга болевого синдрома. Все известные способы диагностики неизменно показывали, что пациенты абсолютно здоровы. Боль, постоянно испытываемая ими, не фиксировалась никакими приборами, болеутоляющее не действовало, снотворное погружало в сон, никак не избавляющий от боли. Были перепробованы все мыслимые и немыслимые средства, Белов с Лозинским даже пытались носить на шее эту идиотскую висюльку того странного сталкера с быдловатым позывным «Болт», единственного человека из всех, не попавшего под зависимость. Его задержали под предлогом уточнения обстоятельств катастрофы и с тех пор не выпускали из закрытой клиники ФСБ. Из него едва не выкачали всю кровь, пытаясь выявить антитела или что-либо подобное, что могло бы послужить антидотом для Совета Директоров, но всё тщетно. Не помогало ничего, и генерал Белов приходил в бешенство с каждым очередным докладом медперсонала.

Вскоре жить в Москве стало невозможно. Жуткая боль была невыносима, миллиардные состояния ничем не смогли помочь своим обладателям, и директорату пришлось перебираться ближе к Ареалу точно так же, как и всем остальным Зависимым. Но пересекать границу Зелёной Зоны было небезопасно как с точки зрения стандартных ареаловских угроз, так и по более обыденным соображениям: тысячи людей, озлобленных и голодных, лишившихся всего, что имелось в прежней жизни, стекаются туда ежедневно. Ни о какой государственности или порядке внутри Зелёной Зоны не приходится даже вспоминать, и причина проста — всё это некому поддерживать, ни один чиновник или сотрудник силовых ведомств ни за что не пойдёт в Ареал. Заработать Зуд на всю жизнь никому не хотелось.

В итоге директорату пришлось срочно закупить партию сборных домиков, которые собрали на территории нефтепромысла Джъер, на тот момент находившегося в нескольких километрах от границы Ареала и переведенного в режим консервации в связи с нехваткой персонала. Чтобы не вызвать ненужного ажиотажа и не привлекать к себе внимания, промысел быстро обнесли глухим забором и на собственные деньги привлекли туда специалистов-нефтяников из числа Зависимых. В округе было объявлено, что в Джъер въехала очередная рабочая вахта и нефтепромысел работает в штатном режиме. В действительности в домиках разместился Совет Директоров РАО и отряд телохранителей Белова, настоящие нефтяники занимали лишь три строения. Каждую ночь несколько вездеходов под усиленной охраной пересекали границу Ареала и сразу же глушили моторы, оставаясь там до утра, чтобы дать возможность своим влиятельным пассажирам отдохнуть от сверлящего мозг Зуда.

Но Выброс шёл за Выбросом, боль усиливалась, и было ясно, что вскоре Ареал поглотит Джъер, а сила Зуда увеличится настолько, что вряд ли позволит находиться без страданий вне Зелёной Зоны свыше нескольких часов. Ко всему прочему добавилась и политическая составляющая проблемы. Авторитет Лозинского в высших эшелонах власти стал падать. РАО «Ареал» теперь существовало

лишь на бумаге, нефть «Тип Х» не добывалась, бюджет нёс колоссальные расходы в связи с катастрофой и её последствиями, в том числе из-за проваленных обязательств по поставкам «Икса» на внешний рынок. Компания «Экстрайл» оказалась на грани банкротства. Сам вице-премьер, вечно пропадающий «где-то там», был не интересен ни Президентской команде, ни собственным людям, среди которых уже пошёл шёпот на тему назначения преемника. Лозинский чувствовал, как шатается под ним кремлёвское кресло. У Белова ситуация складывалась немногим лучше. Генерал-лейтенант ФСБ имел возможность наступить на хвост многим, находясь в любом уголке страны, ибо компромат имеет весьма большой срок годности, но и он понимал, что власть начинает медленно уплывать из рук. Необходимо было что-то предпринять, и как можно быстрее.

И Лозинский нашёл решение. На эту мысль его натолкнуло повизгивание правозащитничков, решивших, что пора в очередной раз делать карьеру на человеческом горе. Все Зависимые ушли в Ареал, толпе обывателей стало нечего бояться, и самые сообразительные начали предпринимать попытки защитить права «пострадавших в результате чудовищной катастрофы и последующих событий». Вице-премьер, будучи опытным политиком, мгновенно оценил обстановку. Сейчас куча недоделанных общественных деятелей бросится добиваться от Президента всяческой помощи Зависимым, «страдающим в нечеловеческих условиях Ареала». Всё это сведётся к выстраиванию собственных рейтингов и делёжке бюджетных денег, что будут направлены на выплату всевозможных судебных компенсаций, пособий и прочее. Но у Лозинского на эти деньги были свои планы. И он не стал терять времени даром.

Вице-премьер прибыл на приём к Президенту и представил ему собственную программу помощи пострадавшим от Ареала. Как и полагается государственному деятелю его уровня, она была глобальной и всеобъемлющей. И Президент не мог не оценить все плюсы предложения, разработанного Лозинским. На следующий же день все СМИ транслировали президентское обращение, в котором говорилось, что страна не бросит своих героев и будет сражаться за них до конца, во что бы это ни обошлось бюджету. Программа Лозинского была опубликована едва ли не всеми изданиями уже через час, и многим самопиарщикам от правозащиты пришлось прикусить языки от досады. Лозинский учел всё.

Раз государство, по не зависящим от него причинам, не имеет возможности обеспечить своим гражданам, попавшим под зависимость, достойную жизнь вне Ареала, оно обеспечит её внутри него. РАО «Ареал» вновь ждёт на работу всех желающих, но теперь оно будет существовать внутри Зелёной Зоны ради тех, кто вынужден навсегда связать свою жизнь с аномальными территориями. РАО начинает строительство подземного населённого пункта на базе нефтепромысла Джъер. К тому моменту, когда Ареал поглотит это поселение, оно уже будет просторным и благоустроенным городом со всей положенной инфраструктурой и прочими удобствами: магазинами, школами, детскими садами, больницами, убежищами и конечно же интернетом с обязательным доступом в твиттер, посредством которого Президент будет лично следить за бытом горожан. Так как аномальные территории разорвали железнодорожное сообщение, автомобильные магистрали от Сыктывкара до Троицко-Печорска будут срочно доведены до идеального состояния, и по ним будет осуществляться завоз всего необходимого для обеспечения достойной жизни жителей нового Джъера. Президент заявил, что этим обращением гарантирует, что «город внутри Ареала по уровню жизни и комфорта будет подобен любому сателлиту Москвы». С тех пор название «Сателлит» прочно прилипло к подземной новостройке.

Чтобы привлечь Зависимых к проекту, предлагалось приравнять новый Город к положению отдельного субъекта Федерации. Все работники РАО получают в Сателлите квартиры сразу по окончании строительства, а их заработные платы будут превышать нормы, установленные для районов Крайнего Севера. После завершения всех строительных работ эти люди останутся в РАО и будут работать в городских службах, а также на добыче нефти «Тип Х». Таким образом, никто не останется безработным. Для этих целей сам нефтепромысел подвергнется модернизации и расширению, кроме того, в срочном порядке будет закончено строительство промысла в посёлке Каджером. План Лозинского даже включал возможность строительства в его районе в будущем второго города, если эксперимент с Сателлитом себя оправдает.

Проект вице-премьера вызвал массу критики со стороны скептиков и политических конкурентов, но возможность в короткие сроки вновь возобновить добычу арчаловской нефти послужила решающим фактором для принятия решения. Поначалу программа быстро набрала обороты. Тысячи Зависимых, живущих на границе Зелёной Зоны в землянках и наскоро возведённых блиндажах, в условиях постоянной угрозы Выброса, нехватки промышленных товаров, элементарных удобств, медицинской помощи и зачастую продовольствия, изъявили желание поступить либо вернуться на работу в РАО. Первичные штаты укомплектовали быстро, благо практически все вновь нанятые сотрудники являлись востребованными специалистами, попавшими под Зависимость в результате прежней службы или в ходе выполнения спасательно-восстановительных работ. За неделю численность личного состава РАО возросла до десяти тысяч человек, и началось масштабное строительство.

Лозинский и Зильберман, воплощая программу в жизнь, развили небывалую активность. К тому моменту Совет Директоров РАО «Ареал» понёс ещё одну невосполнимую утрату: вертолёт, которым Шумелкина следовала от места строительства в Сыктывкар на очередную попытку излечения, внезапно взорвался в воздухе. Не выжил никто. Президентским Указом за самоотверженное исполнение гражданского и профессионального долга двум арчаловским директорам, доктору медицинских наук Шумелкиной Елене Александровне и генерал-майору МЧС Воронцову Геннадии Петровичу, были присвоены звания Героев России посмертно. В результате Лозинскому пришлось ввести в Совет Директоров проштрафившегося Прокопенко, что было даже на руку. На него немедленно взвалили всё, что ещё не успели взвалить на тот момент, и вице-премьер смог сосредоточиться на наиболее сложных вопросах освоения бюджета. На начальном этапе это было единственно верным решением, из арчаловских попов не выжил никто, заводить же новых не имело смысла: не имеющие Зависимости, они не будут полностью подконтрольны Лозинскому. Но на всякий случай небольшой храм имени мученика Евлантия на городском плане Сателлита он всё же запланировал. Со временем пригодится, найдётся и очередной ушлый поп, как говорится, свято место пусто не бывает. Пока же выделенные средства он будет контролировать сам, сейчас не до излишеств. Необходимую поддержку ему окажет Белов, с этим проблем не будет, двоюродные братья всегда понимали друг друга с полуслова.

Маховик строительства закрутился, и авторитет вице-премьера вновь окреп. Чтобы продемонстрировать и своим, и чужим свою политическую активность, директорам РАО приходилось часто бывать в столице, и делать это с каждым разом становилось всё мучительнее. Авиаперелёты стали невозможны — риск погибнуть в результате несчастного случая, череда которых сопровождала Зависимых повсюду вне Ареала, был слишком велик, и пилоты наотрез отказывались подниматься в воздух. От авиации пришлось отказаться. Теперь до Сыктывкара добирались автотранспортом, после чего приходилось восемь часов трястись по железной дороге, этот способ передвижения на тот момент сочли наиболее безопасным. Эксперты в один голос утверждали, что современные железнодорожные вагоны изготавливаются с применением максимально надёжных технологий, призванных сохранить жизнь пассажирам при любой, даже самой ужасной катастрофе. В качестве доказательства приводились данные о наиболее серьёзных авариях на железной дороге, когда пассажирские поезда сходили с рельсов на большой скорости и вагоны кувыркались с высокой насыпи в многократных кульбитах. Тем не менее они не подвергались разрушению и сохраняли свою форму, а находящиеся внутри пассажиры отделались ссадинами и ушибами, количество переломов было незначительным, летальных случаев и вовсе не имелось.

Но незримое клеймо Ареала, лежащее на Зависимых, не поддавалось научному объяснению и игнорировало всё: статистику, экспертов, законы физики и многократно проверенные стандарты безопасности. После тринадцатого с момента «Дезинфекции» Выброса поезд, которым Зильберман следовал в Москву, сошёл с рельс где-то посреди глухой тайги, столкнулся со встречным составом и загорелся. По словам немногих выживших, скорость движения перед самой катастрофой была невелика, но в итоге вагоны расшвыряло, как спичечные коробки, и огонь охватил их практически мгновенно. Сильно повреждённый труп Зильбермана был найден спасателями среди тел других погибших уже к вечеру, но уверенно опознать его удалось только через двое суток при помощи генетической экспертизы. Специалисты лишь растерянно пожимали плечами, по всем расчётам выходило, что предпосылки к этой катастрофе предугадать было невозможно. В одно мгновение

воедино сложилось сразу несколько причин, каждая из которых являлась редкостью уже сама по себе. Под действием зимних температур на железнодорожном полотне разошлись межрельсовые стыки, но автоматика безопасности, призванная немедленно сообщить об этом на ближайшую станцию, не сработала. Помощник машиниста перед самой катастрофой, предположительно, вышел из кабины, у машиниста случился сердечный приступ, среагировать на аварийную ситуацию, случившуюся через считанные секунды, оказалось некому. Локомотив сошёл с рельсов, слетел с насыпи и столкнулся с землей, из-за чего вагоны расшвыряло вокруг, и некоторые из них оказались лежащими на путях. Всё это произошло в непосредственной близости от поворота железнодорожного полотна, огибающего поросшую лесом сопку. Двигающийся навстречу товарный состав, перевозивший горюче-смазочные материалы, заметить произошедшее крушение не имел возможности. Он вышел из-за поворота и сразу же столкнулся с перегораживающими пути пассажирскими вагонами. Цистерны с ГСМ опрокинулись, горючие материалы разлились, взрыв и последующее возгорание произошли в считанные секунды. Как подобное количество чрезвычайных причин могло возникнуть одновременно в одном месте, следственная комиссия объяснить так и не смогла.

С тех пор пришлось отказаться и от железных дорог. Теперь Лозинский и Белов передвигались исключительно автотранспортом, и каждая вторая поездка не обходилась без аварийных ситуаций, случавшихся либо с машинами их кортежа, либо с иным транспортом, оказывавшимся неподалеку. Остальные Зависимые и вовсе крайне редко удалялись от границ Зелёной Зоны дальше двух-трех десятков километров, опасаясь за свою жизнь. По сути, опасность угрожала отовсюду. Сверлящая мозг боль от Зуда и вероятность погибнуть в результате несчастного случая были наименьшими из угроз. Ненависть, вызванная страхом перед необъяснимым проклятием Ареала, толкала людей на агрессивные и подчас кровавые поступки. Очень скоро Зависимые и нормальные стали друг другу врагами, и провозглашаемые по всей стране терпимость и сострадание соблюдались лишь в нескольких небольших поселках, расположенных у самой Зелёной Зоны. Эти населённые пункты стали своего рода нейтральными территориями, где осуществлялись все процессы взаимодействия обитателей Ареала с Большой Землёй. Правительству приходилось держать вокруг ареаловских территорий серьёзное количество подразделений Внутренних Войск, чтобы успешно сохранять контроль над этими самыми процессами. Ибо программа, предложенная Лозинским, принесла лишь часть ожидаемых результатов.

Первые пять месяцев строительство шло усиленными темпами, все стремились успеть закончить Сателлит до того, как его поглотит Ареал. Подземный город был рассчитан на шестнадцать тысяч типовых квартир, и при этом имел очень компактные размеры, чуть более чем тысяча на тысячу метров. Его обнесли единым периметром из двухниточного железобетонного забора, построили Научный Центр и расширили нефтепромысел Джъер, вошедший в состав Сателлита вкуче с Административным и Жилым кварталами. От города протянули трубопровод и автомагистраль к посёлку Верхнеижемский и далее до Троицко-Печорска, где осуществлялась обработка ареаловских грузов. Совет Директоров даже разделил внутреннюю структуру РАО на два формальных отделения, «Ареал-Сателлит», охватывающий персонал из числа Зависимых и соответствующую инфраструктуру, и «Ареал-Печора», в состав которого входили не подвергшиеся Зависимости сотрудники, выполняющие свои рабочие функции вне Ареала. Благодаря высоким зарплатам и отсутствию угрозы подвергнуться Зависимости, «Ареал-Печора» некоторое время являлся довольно выгодным местом трудоустройства.

Но в остальном Лозинского преследовала масса проблем. С первых же дней строительства стало ясно, что погибший нефтепромысел Тэбук в ныне мёртвом посёлке Нижний Одес восстановить невозможно. Район густо наполнен аномалиями и враждебной фауной, наиболее отчаянные храбрецы, рискнувшие добраться до промысла, увидели там следы мутировавшего медведя и повернули назад. Помимо этого поползли слухи о том, что в некоторых местах Зелёной Зоны, особенно там, где когда-то находились старые, ныне не действующие скважины, на земле появились нефтяные пятна. И если выкопать яму, то за день вполне можно набрать канистру «Икса», а то и две. И кто-то даже отыскал в тех местах пару метаморфитов. После появления этой информации в Ареале вновь зашевелилось сталкерство, и количество разного рода правозащитников и исследователей, особенно иностранных, понаехавших в прилегающие к аномальным территориям посёлки, возросло вдвое. Ко всему прочему

строительство нефтепромысла в Каджероме шло медленно и несколько раз едва не умерло самопроизвольно. Частые Выбросы делали проведение необходимых работ слишком опасным, среди строителей имелись жертвы, и убедить людей не разбежаться с недостроенного объекта с каждым разом становилось всё сложнее. Денежные премии и поощрения ценными подарками в виде промышленных товаров и продуктовых наборов помогали не всегда, и ввести в эксплуатацию Каджеромский промысел удалось с опозданием на три месяца, перед самым поглощением Сателлита Ареалом. Не меньшей головной болью стала криминогенная обстановка, ухудшавшаяся в Зелёной Зоне с каждым месяцем всё сильнее.

Не всё Зависимые желали жить честно и трудиться на объектах строительства с утра до ночи. Среди тех, кто уцелел под катастрофическим Выбросом в августе 2010-го, были и представители криминальных кругов, поощрявших сталкерство в Ухте, и заключённые исправительных учреждений УФСИН, отбывавшие наказания. Вновь оказавшись в Ареале, эти преступные элементы немедленно занялись незаконной деятельностью: рэкетом, грабежами, сталкерством. В первые месяцы службе безопасности «Ареал-Сателлита» удавалось держать криминальные круги в узде, но продолжалось это недолго. Преступный мир быстро понял, что внутри Зелёной Зоны государство далеко не всемерно и возможности органов правопорядка весьма и весьма ограничены. В Ареал потянулись преступники и уголовники всех мастей, скрывающиеся от правосудия, для которых добровольное заточение в аномальных территориях было гораздо интереснее длительных и пожизненных сроков заключения. Вскоре примеру российских криминальных элементов начали следовать преступники из ближнего зарубежья и просто отморозки, желающие лёгкой жизни за счёт других. Преступный мир Ареала быстро окреп и стал не по зубам безопасникам РАО.

Финальную точку в развитии программы Лозинского поставило поглощение Сателлита Ареалом. Зелёная Зона полностью накрыла город за пять недель, к тому моменту все работы были завершены, но дальнейшим планам вице-преьера состояться оказалось не суждено. Едва Сателлит стал частью аномальных территорий, выяснилось, кому на самом деле принадлежит власть в Ареале. Криминальный мир, скрывающийся в развалинах городов, немедленно заявил о своих правах. Город и нефтепромысел Каджером подверглись серии вооружённых нападений. Бандиты оказались многочисленными, хорошо организованными и, самое неприятное, отлично знающими как Зелёную Зону, так и законы выживания в ней. Причина тому была проста: сталкеры, поставленные властями вне закона, контролировались преступным сообществом, в результате чего в распоряжении криминалитета имелись опытные проводники и знатоки Ареала. Атаку на Сателлит удалось отбить, но нефтепромысел Каджером был потерян. По дошедшим до города слухам, отряды уголовников перебили охрану, разграбили каджеромский нефтенакопитель, перекрыли трубопровод, ведущий от промысла за пределы Зелёной Зоны через посёлок Чикшино в Печору, и под угрозой смерти вынудили нефтяников дежурной вахты добывать нефть «Тип Х» для «общака». Нефтяники подчинились, но спустя трое суток нефтедобывающее оборудование пришлось деактивировать перед надвигающимся Выбросом. После его окончания вахта попросту сбежала с территории промысла, воспользовавшись неразберихой. Уголовники организовали преследование, но почти сразу в районе Каджерома появились отряды хорошо вооружённых Зомби, чего до той поры не случалось, и все поспешили покинуть нефтепромысел подобру-поздорову.

С тех пор добычу «Икса» в Каджероме удавалось запускать лишь от случая к случаю, так как сотрудники РАО отказывались браться за эту работу. Надёжно взять под контроль промысел также не получалось. Служба безопасности «Ареал-Сателлита» едва справлялась с охраной города и ведущих от него на Большую Землю трубопроводов, требующих неусыпной охраны. Преступники и прочие ушлые элементы ежедневно пытались делать в них врезки, и безопасникам приходилось тратить массу усилий на предотвращение этих злодеяний. Особенно тщательно охранялся трубопровод, поставляющий в Сателлит воду, которой в Ареале не имелось. Немало забот требовали и нитки, доставляющие в Троицко-Печорск добытый в Сателлите «Тип Х». В первое время генерал Белов пытался отряжать часть сил Службы Безопасности на установление контроля над Каджеромом, но от этих действий вскоре пришлось отказаться. На нефтепромысел регулярно нападали то уголовники, то Зомби, а после того, как однажды к Каджерому вышел Фронтовик, солдаты были готовы и

добровольно уйти со службы в РАО, и лишиться безопасных квартир в Сателлите, лишь бы вновь не попасть на нефтепромысел.

Стало ясно, что избежать попадания стратегических ресурсов в руки преступных элементов не удастся. Чтобы хоть как-то выровнять ситуацию, по приказу Лозинского и Белова Прокопенко разработал схему контроля за неподвластным РАО чёрным рынком. При содействии правительства тридцатикилометровый пояс вокруг Ареала, быстро прозванный в народе «нейтралкой», был объявлен запрещённой к посещению зоной, на территории которой действовал режим Чрезвычайного Положения. Отныне каждому, кто желал пересечь её границы, требовалось получить аккредитацию в РАО по линии ФСБ. С этого же момента «Ареал-Печора» развернул в находящихся на «нейтральной территории» посёлках пункты приёма нефти «Тип X» и метаморфитов у населения, а наказание за сталкерство было отменено официальным Указом Президента. Теперь каждый желающий мог выйти из Ареала и сдать свои находки, не опасаясь судебного преследования, и получить за них приличную цену. Чтобы обрушить чёрный рынок, Прокопенко рекомендовал платить за ареаловскую нефть вознаграждение, сопоставимое с её международной рыночной стоимостью, а за добытые сталкерами метаморфиты давать цену, равнозначную расценкам нелегальных скупщиков. При этом он предложил простой и эффективный способ избежать огромных убытков такой ценовой политики. Цены на товары постоянного потребления, завозимые в Ареал, взвинчиваются до небес. Если литр «Икса» стоит пятьдесят долларов, то нет ничего страшного в том, что литр воды будет стоить двадцать пять, а, к примеру, банка тушёнки или килограмм крупы — десять. Точные расценки высчитывают эксперты, и, возможно, цены окажутся несколько иными, но общий смысл не изменится: затраты на покупку ареаловской нефти у населения будут с лихвой окупаться продажей товаров первой необходимости. Цены при желании можно варьировать. Дабы избежать возни с большим количеством наличности, при расчётах будет приветствоваться бартер, кроме того, на территории Сателлита можно открыть банк, куда позволять помещать деньги всем желающим. А чтобы никто не имел возможности демпинговать, РАО «Ареал» при поддержке генерала Белова негласно подомнёт под себя все компании и предпринимателей, что ведут или будут пытаться вести торговлю в нейтральной зоне. Что позволит де-факто быть монополистом, де-юре таковым не являясь, меньше хлопот.

Предложение Прокопенко Лозинский с Беловым одобрили. Эксперты просчитывали детали три недели, после чего с необходимыми уточнениями план начали внедрять в жизнь ускоренными темпами. Без накладок, как водится, не обошлось. Нововведение стимулировало население Ареала искать и сдавать на приёмные пункты РАО нефть и метаморфиты, но сами сотрудники «Ареал-Сателлита» оказались обладателями нищенских зарплат. Немедленно начался отток кадров, и этот прокол пришлось срочно исправлять. Денежное содержание обитателей Сателлита повысили за счёт выделения продовольственных пайков в виде карточек, подлежащих обмену на соответствующие товары в магазинах города. Подобное нововведение понравилось не всем, и хотя массовое увольнение специалистов удалось остановить, кадровый вопрос в Сателлите являлся одним из наиболее острых. Кардинально решить его официальными путями не удавалось, в то время как численность преступного мира Ареала постоянно увеличивалась, пусть и не быстро, но регулярно. Впрочем, Лозинскому и Белову не привыкать выходить из безвыходных положений. Опытный и дальновидный политик иногда может извлечь выгоду даже из сильных сторон своих противников.

— Валентин Иванович, — обитая мягкой обшивкой внутрисалонная перегородка вновь опустилась, открывая лицо референта. — Не желаете пообедать? Подать меню или прикажете сделать остановку у ресторана в ближайшем городе по пути следования?

— Почему остановились? — вместо ответа нахмурился вице-премьер, бросая взгляд в окно.

— Авария впереди... — референт невольно отвёл глаза, — только что произошла. Наш кортеж не пострадал, но на автостраде возник затор, придётся немного подождать...

— У меня на счету каждая секунда, если вы помните! — со скрытой угрозой в голосе произнёс Лозинский. — Свяжитесь с полицейскими машинами эскорта или ступайте к ним лично! Пусть делают, что хотят, но обеспечат мне немедленный проезд! Объясните им, что это в их же интересах.

Чем быстрее мы покинем это место, тем меньше вероятности, что произойдёт что-либо ещё. А ведь здесь скопилось множество машин. Заострите их внимание на этом, думаю, они прислушаются.

— Слушаюсь, Валентин Иванович! — референт вскочил со своего кресла прежде, чем закрывающаяся перегородка скрыла его из виду.

Доводы референта явно убедили немецких полицейских. Уже через две минуты снаружи взвыли сирены, а через пять кортеж продолжил движение. Автобус Лозинского протиснулся через организованный стражами правопорядка узкий проезд в образовавшемся автомобильном заторе и проследовал мимо нескольких искорёженных столкновением машин, разбросанных по автостраде. Вице-премьер не удостоил их даже взглядом, за минувший год зрелище аварий, сопровождающих его поездки, давно уже стало обыденной картиной. Его автобус не перевернулся, и это главное, остальное не более чем сопутствующие мелочи. Пока доберёмся до Москвы, с десяток раз заменят лопнувшее колесо, порвавшиеся ремни и переставят какую-нибудь запчасть. В прошлую поездку вообще застучал двигатель, и пришлось пройти на буксире полтысячи километров. А тут всего лишь какая-то посторонняя авария. Обращать внимание на подобную ерунду означает лишь даром тратить драгоценное время. Но воспользоваться удобным случаем для поддержания имиджа стоит всегда. Он коснулся кнопки вызова референта.

— Да, Валентин Иванович? — мгновенно появился тот. — Подать обеденное меню?

— Давайте, — согласился вице-премьер. — И выясните обстоятельства этой аварии. Пусть моя пресс-служба по возвращении в Москву подготовит официальное заявление, в котором выразит соболезнования пострадавшим или что там потребуется. И пускай рассчитают для них некоторую сумму моей добровольной помощи в качестве пожертвования, — Лозинский забрал у референта меню, — в пределах разумного, разумеется. В заявлении должно подчёркиваться, что ни я, ни мой кортеж не имеет к этой аварии никакого отношения, но, увидев произошедшую трагедию, я не смог оставаться безучастным. Сколько нам до границы с Чехией?

— Три часа пути... эээ... в штатном режиме, — ответил референт. — Возможно, даже быстрее!

Наигранный оптимизм референта вызвал у Лозинского лёгкое раздражение, и он нажал кнопку закрытия перегородки. Перегородка двинулась вверх, но тут в глубине обшивки салона что-то громко щёлкнуло, и она остановилась на полпути. Из её нижних пазов пошёл едва заметный дымок, и запахло сгоревшей проводкой.

— Сейчас починим! — в незакрывшемся проёме немедленно возник один из телохранителей. Он коснулся пальцем вставленной в ушную раковину гарнитуры рации: — Это пятый. Электрика сюда!

— Не сейчас, — вице-премьер махнул рукой, отпуская телохранителя. Скверное настроение внезапно сменилось на приподнятое. Ещё одна мелкая поломка его не остановит. Что бы там ни случилось, у него есть пятьдесят один день свободы, и никто не отберёт у него ни минуты. Это большая удача, что среди научной комиссии ООН, попавшей под первый после «Дезинфекции» Выброс, оказался племянник Кугельштайна. Чтобы излечить родственника, знаменитый нейрохирург занялся поиском средства, способного победить Зависимость, и не бросил исследований даже после того, как племянник не выдержал мучений Зуда и покончил с собой, выбросившись с крыши собственного пентхауса. Правда, методика анестезии, подхитившая для покойного, стоила жизни Линдеру, но с этим уже ничего не поделать. В какой-то мере это даже хорошо — Линдер поехал к Кугельштайну на первую операцию вместо Лозинского, которого задержали в Ареале проблемы первоочередного характера, как раз в тот момент решался вопрос по освоению крупной части бюджета. Зато потом методики заносчивого немца срабатывали без ошибок, а в случае сомнений Лозинский всегда может послать вперёд себя Прокопенко, как это делает Белов со своим безмозглым племянником. И это абсолютно правильно. Что такое три миллиона долларов в сравнении с возможностью хотя бы временно освободиться от Зуда?! Гроши. Но Кугельштайна в любом случае следует проверить со всей тщательностью. На будущее. Рано или поздно кто-нибудь сможет воспроизвести его сыворотку, и прощать напыщенному учёному индюку его заносчивость вице-премьер не собирался. За окном раздался визг тормозов и надрывный сигнал клаксона, сменившийся глухим звуком удара. Спецавтобус не сбросил скорости, шум экстренно тормозящих автомобилей быстро затих позади, и Лозинский открыл обеденное меню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную версию на сайте www.tarmashev.com